

ксения малич

«пришел, увидел — побежден!»

советские и британские архитекторы
в 1930–1960-е годы

Ксения М. Малич

«Пришел, увидел – побежден!»

Советские и британские

архитекторы в 1930–1960-е годы

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70460728

*«Пришел, увидел – побежден!» Советские и британские архитекторы в
1930–1960-е годы: Гараж; Москва; 2024
ISBN 978-5-6049360-8-5*

Аннотация

Данное исследование – рассказ о профессиональном общении советских и британских архитекторов в 1930–1960-е годы, с момента отлаживания «Интуристом» и Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей организованных поездок английских специалистов в СССР до окончания оттепели и периода послевоенной реконструкции. Официальный контекст этого сюжета прочитывается легче, чем частные взаимоотношения. Но за общей историей культурной дипломатии, местами логичной, а местами противоречивой, даже в самые сложные моменты все равно можно почувствовать личные интонации. Ведь, в конце концов, люди общаются просто потому, что им одиноко.

Содержание

Список принятых сокращений	5
Благодарности	7
Глава 1. Между войнами	8
Архитектура и культурная дипломатия: ВОКС, «Интурист», SCR	8
Историография	8
Архитектурная секция ВОКС	12
Функционализм vs традиционализм	19
Стилистические предпочтения как инструмент идеологического противостояния	24
Первые организованные поездки британских туристов в СССР	28
Стратегии гостеприимства	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

К. М. Малич
**«Пришел, увидел –
побежден!» Советские и
британские архитекторы
в 1930–1960-е годы**

© Музей современного искусства «Гараж», 2024

© Ксения Малич, текст, 2024

© Андрей Кондаков, макет, 2024

* * *

На обложке: Английские архитекторы на фоне пропилей
набережной 62-й Армии, Сталинград. 1953. Иллюстрация из
журнала *The Architect and Building News*. 3 декабря 1953

Список принятых сокращений

ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва

ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева, Москва

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

ССА – Союз архитекторов СССР (до 1955 года – Советский союз архитекторов)

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства, Санкт-Петербург

ЦГАНТД – Центральный государственный архив научно-технической документации, Санкт-Петербург

AASTA – Ассоциация архитекторов, строительных инспекторов и технических ассистентов (Association of Architects, Surveyors and Technical Assistants)

CIAM – Международный конгресс современной архитектуры (*фр.* Congrès International d'Architecture Moderne)

MARS – Группа по исследованию современной архитектуры (Modern Architectural Research Group; группа архитекторов, представлявших британскую часть Международного конгресса современной архитектуры CIAM), Великобрита-

ния

RIBA – Королевский институт британских архитекторов (Royal Institute of British Architects), Лондон

SCR – Общество культурных связей между Британским Содружеством и СССР (Society for Cultural Relations between the Peoples of the British Commonwealth and the USSR), Великобритания

Благодарности

Выражаю благодарность за помощь в работе над этим исследованием и получившейся книгой моим родителям Александру и Инне Александровым. Отдельное спасибо за советы, беседы, поддержку, а также за помощь в сканировании материалов Вадиму Бассу, Эдварду Боттомсу, Анне Вяземцевой, Стефану Гесслеру, Элине Захаровой, Дмитрию Козлову, Ксении Кокориной, Евгении Конышевой, Катарине Лопаткиной, Марии Малич, Дарье Милле, Илье Печёнкину и Юлии Старостенко.

Спасибо сотрудникам Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева, Российской национальной библиотеки, Российского государственного архива литературы и искусства, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, Государственного архива Российской Федерации и Лондонской архитектурной ассоциации за их исключительный профессионализм, который делает возможной нашу любую исследовательскую работу.

Глава 1. Между войнами

Архитектура и культурная дипломатия: ВОКС, «Интурист», SCR

Историография

Профессиональное общение между советскими и британскими архитекторами изучено мало, хотя сама тема международных связей советской архитектуры хорошо представлена в отечественной и западной историографии. Историк Стивен Уорд рассказывал об интересе к советскому опыту в контексте развития британского градопланирования¹, но его труды скорее исключение. Внимание исследователей было чаще обращено на отношения с французскими и итальянскими коллегами² в силу традиционного образцового ста-

¹ Ward S. *Planning the Twentieth-century City*. Chichester, Hoboken, New Jersey: J. Wiley & Sons, 2002; Ward S. *Soviet Communism and the British Planning Movement: Rational Learning or Utopian Imagining?* // *Planning Perspectives*. 2012. № 27 (4). October. P. 499.

² Albera F. *Albatros des Russes à Paris (1919–1929)*. Paris / Milan: Cinémathèque Française, Edizioni Gabriele Mazzotta, 1995; Хайт В. Проблемы и методы изучения архитектурного творчества русских архитекторов за пределами России и русских эмигрантов // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. 2004. Вып. 2. С.

туса, которым обладали эти страны в процессе профессионального обучения в Академии художеств, или на немецкий и нидерландский опыт³ – в свете работы архитекторов из Германии и Нидерландов на советских стройках и повышенного внимания к Веймарской республике и Германскому рейху в период Интербеллума. Художественная жизнь Великобритании отрефлексирована, но речь идет, как правило, не об архитектуре, а о культурной политике в целом в контексте работы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и налаживания взаимоотношений меж-

236; Казусь И. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М.: Прогресс-Традиция, 2009; Pechenkin I. Italianità and Russian Architecture of XIX century // Texts. Art and Literature Scientific and Analytical Journal. 2015. № 4. P. 6; Flierl T. Standardstädte: Ernst May in der Sowjetunion 1930–1933. Texte und Dokumente. Suhrkamp Verlag AG, 2012; Patti F. Boris Iofan in Rome: Professional Training, Contacts, Design and Realized Buildings: Between 1914 and 1924 // Kostyuk M. Boris Iofan. Architect Behind the Palace of Soviets. Berlin: Dom Publishers, 2019. P. 93; Печёнкин И., Шурыгина О. Иван Жолтовский. Опыт жизнеописания советского архитектора. М.: НЛО, 2023.

³ Коккинаки И. В. О профессиональных связях советских и голландских архитекторов в межвоенный период // Проблемы истории советской архитектуры. Сб. 3. М., 1977. С. 36; Невзгодин И. «Новая веха международного фронта»: российско-нидерландские архитектурные связи 1920–1930-х годов // Архитектура по-голландски: 1945–2000. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2013; Конышева Е. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток. Документы и материалы. М.: БуксМарт, 2017. С. 39; Malich K. “The Collective Approach Does Not Abolish the Individual”: Links between Soviet Avant-garde Experiments and Architectural Practice in the Netherlands during the Early Twentieth Century // Entangled East and West. Cultural Diplomacy and Artistic Interaction during the Cold War. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2018. P. 39.

ду СССР и Западной Европой⁴. В иностранной историографии сложилась традиция описывать британских интеллектуалов, увлеченных Советским Союзом, либо как радикальных утопистов, верящих в совершенное рационально устроенное общество⁵, либо как наивных и доверчивых интеллигентов, попавшихся на удочку циничных английских журналистов, прельстившихся роскошной жизнью в Москве⁶. Третий вариант – «квазирелигиозный» максимализм, возникший в поисках высших ценностей (Пол Холландер)⁷. Во время холодной войны многие исследователи, пытаясь объяснить увлечение советской культурой, принимали во внимание политические обстоятельства, но не допускали в качестве причин человеческий фактор, личное любопытство, вы-

⁴ Margulies S. *The Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1926–1937*. Madison: University of Wisconsin Press, 1961; Hollander P. *Political Pilgrims. Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978*. New York: Oxford University Press, 1981; Stern L. *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920–1940. From Red Square to the Left Bank*. Abingdon, Oxon, New York: Routledge, 2006; Советское Зазеркалье. Иностраннный туризм в СССР в 1930–1980-е годы / В. Багдасарян, К. Мазин, И. Орлов [и др.]. М.: Форум, 2007; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015; Лопаткина К. Бастарды культурных связей. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2019.

⁵ Cate D. *The Fellow Travellers. Intellectual Friends of Communism*. New Haven: Yale University Press, 1988.

⁶ Muggerridge M. *Chronicles of Wasted Time*. Vol. 1: *The Green Stick*. London: Collins, 1972. P. 205.

⁷ Hollander P. *Political Pilgrims*. P. 28.

ходившее за рамки культурной дипломатии и идеологических установок⁸. К тому же сами идеологические предпосылки могли быть достаточно гибкими. В конце концов, даже профессиональные дипломаты не могли полностью игнорировать тенденции общественного мнения, и их решения основывались не только на стратегических соображениях⁹. Ссылаясь на «Ориентализм» Эдварда Саида, Уорд предполагал, что при изучении контактов Запада с СССР как в западных, так и в советских и постсоветских текстах возникали отчасти заранее культурно сконструированные схемы как проекция собственного опыта или страха¹⁰.

Романтизированный образ СССР, сложившийся в британских интеллектуальных кругах в начале XX века, был не только следствием «квазирелигии», но являлся результатом интереса к русской литературе и философии, который действительно был характерен для культуры раннего европейского модернизма (впрочем, как и любой другой радикальный поиск). Этот интерес проявлялся в самых разных формах – от обзоров в журнале *The Criterion* под редакторством Томаса Элиота до любви к фильмам Пудовкина и Эйзенштейна. После Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова

⁸ Ward S. Soviet Communism and the British Planning Movement: Rational Learning or Utopian Imagining? P. 499.

⁹ Хьюз М. Как превратить недруга в друга: воздействие культуры на англо-русские отношения 1900–1920-х годов. URL: <https://history.jes.ru/s207987840001317-7-2>.

¹⁰ Gregory D. Geographical Imaginations. Oxford: Blackwell, 1994.

для британской интеллигенции образ России был основан на таких понятиях, как душа, простота, сострадание, религиозность¹¹. Показательно, что уже в 1915 году некоторые авторы пытались убедить коллег, что за этим не кроется никакой «русской опасности» – «предрассудка, распространившегося в США и Великобритании»¹². Как бы ни интерпретировали историографию, в любом случае даже с момента публикации Холландера прошло уже более сорока лет, и мы попробуем двигаться дальше, переключившись на сюжеты архитектуры.

Архитектурная секция ВОКС

Межвоенный период стал временем расцвета советской культурной дипломатии¹³, когда, пытаясь преодолеть дипломатическую изоляцию и показать преимущества прогрессивного социального порядка, советское правительство да-

¹¹ Klimova S. “A Gaul who has chosen impeccable Russian as his medium”: Ivan Bunin and the British Myth of Russia in the Early 20th Century // *A People Passing Rude. British Responses to Russian Culture*. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 219.

¹² Klimova S. “A Gaul who has chosen impeccable Russian as his medium”: Ivan Bunin and the British Myth of Russia in the Early 20th Century // *A People Passing Rude. British Responses to Russian Culture*. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. P. 218.

¹³ Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. С. 19.

ло ВОКС широкие полномочия и относительную свободу. Управление ВОКС – Ольга Каменева и ее коллеги – понимало, что главную ставку в этой работе нужно делать на привлечение внимания западной интеллигенции, поскольку именно в этой среде формировалось в итоге общественное мнение. В связи с тем, что в СССР особая роль отводилась печатному слову, ВОКС в первую очередь дружил с литераторами (среди них было много британских писателей и философов, в том числе Бертран Рассел, Бернард Шоу). Во вторую – налаживал связи через сотрудничество с современными художниками и музейную работу. При этом достижения в области современной архитектуры рассматривались в контексте общей пропаганды социалистического строя и стояли в одном ряду с кинематографом, детьми и борьбой с проституцией. В информационных брошюрах ВОКС архитектурные новости могли попасть в сводки «Метро-сборника», «Курортного сборника» или в бюллетень «Общественное питание». К тому же в составе ВОКС сначала практически отсутствовали специалисты по архитектуре. Из 33 участников актива III Западного отдела ВОКС лишь два человека представляли зодчество¹⁴.

Архитектурная секция, входившая в сектор художественной культуры ВОКС еще с 1926 года, активизировала рабо-

¹⁴ Анатшева И. Роль Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в развитии международного сотрудничества СССР. 1925–1939: дис. ... канд. ист. наук 07.00.01. 1994. С. 134.

ту чуть позже, после образования в 1932 году Союза советских архитекторов (ССА). Именно тогда были сформулированы следующие задачи: «1) завоевание буржуазной прессы для пропаганды советской архитектуры; 2) организация выставок; 3) поощрение информации из-за границы путем организации докладов признанных иноархитекторов и получение статей и консультаций, помощь в проведении крупных мероприятий, связанных с иноархитекторами (съезды, конгрессы и т. д.); 4) разъяснение для заграницы принципиальных установок и позиций современной советской архитектуры»¹⁵. Очевидно, что, помимо репрезентативных целей (показать размах преобразований и передовых технологий), советские архитекторы были сами заинтересованы в информации об актуальных зарубежных практиках и индустриализации строительного производства – обо всем, что могло помочь им в их собственной работе. Учитывая масштабные планы в области строительства новых и преображения исторических городов, контакты в профессиональном архитектурном сообществе были крайне необходимы.

Переписка с иностранными организациями и частными лицами велась через ВОКС. От Союза архитекторов на письма отвечал чаще всего ученый секретарь ССА, член архитектурной секции ВОКС Давид Ефимович Аркин. В случае

¹⁵ Конышева Е. Международные связи Союза советских архитекторов в 1930-е годы: профессиональный диалог под контролем государства // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов. К 130-летию архитектора. М.: Кучково поле, 2023. С. 299.

необходимости он делегировал ответы своим коллегам. К Аркину попадали и письма британских специалистов, которые шли через Англо-американский отдел ВОКС. Хотя Аркин свободно общался на английском, все письма официально переводились на русский язык, а ответы – на английский, и сохранить в них индивидуальный, личный тон было невозможно. Ответы всегда были предельно дружелюбны, но нейтральны. В эти годы в общении с иностранными профессионалами, как заметила Евгения Конышева, советские архитекторы представляли на международной арене именно государство¹⁶.

Советские чиновники понимали, что стране требовался опыт в области типового жилищного строительства, градостроительства, проектирования поселений в новых индустриальных районах. Этот вопрос волновал практически все европейские страны. Приглашая иностранных архитекторов, Советский Союз получал, с одной стороны, возможность завербовать специалистов, знакомых с инфраструктурой современного строительного производства, а с другой – показать миру, что эксперимент Современного движения¹⁷, о ко-

¹⁶ Конышева Е. Международные связи Союза советских архитекторов в 1930-е годы: профессиональный диалог под контролем государства // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов. К 130-летию архитектора. М.: Кучково поле, 2023. С. 302.

¹⁷ Современное движение (Modern Movement) – термин, которым традиционно обозначают период становления архитектурного модернизма в Европе и США. Как явление культуры модернизм оказывается шире художественного метода:

тором грезили многие западные функционалисты, был возможен лишь в условиях тотального обновления, то есть только в СССР. Среди зодчих, поверивших в этот шанс, были преимущественно немецкие, нидерландские и швейцарские профессионалы, разделявшие социалистические идеи (Ханнес Майер, Ганс Шмидт, Йоханнес Ниггеман, Март Стам, Лотта Беше и многие другие). В отличие от немецких и нидерландских архитекторов ни один британский специалист не работал в СССР. Причиной тому были и консервативные архитектурные предпочтения, и напряженные взаимоотношения двух государств: кризис англо-советских отношений в 1927 году («Военная тревога»), разрыв дипломатических контактов, разрыв торгового соглашения в 1932 году после краткосрочного перемирия, постоянное недоверие, угрозы санкций, подозрения в шпионаже. Сближение Москвы и Лондона происходит в середине 1930-х годов на фоне агрессивных военных планов Гитлера и Муссолини и снова

к нему можно отнести конструктивизм, функционализм, баухаус, новое строительство и другие направления, определявшие наиболее радикальные эксперименты в 1920–1930-х годах (в том числе и более консервативный на первый взгляд стиль ар-деко). Функционализм – общее название для экспериментов в европейской архитектуре 1930-х годов. Интернациональный стиль – еще один синоним (или магистральное направление) в архитектуре модернизма. Этот термин получает легитимность благодаря одноименной выставке современной архитектуры, прошедшей в Музее современного искусства в Нью-Йорке в 1932 году. В 1928 году был создан Международный конгресс современной архитектуры, который в 1933 году принял Афинскую хартию – перечень основных правил новой архитектуры и градостроительства.

обрывается в 1939-м после заключения пакта о ненападении между Германией и СССР.

Ровно в промежутки между эскалациями русско-британского противостояния попадают многочисленные выставочные проекты, связанные с русским искусством. В 1928 году русский департамент Бирмингемского университета организовал выставку в галерее «Рёскин». В ее составе было около 70 работ художников-эмигрантов: Наталии Гончаровой, Михаила Ларионова, Константина Коровина. Другая выставка русских авторов прошла в лондонской галерее «Блумсбери» в 1930 году. А в 1935 году, практически параллельно с визитом в Москву и приемом у Сталина представителя британского правительства Энтони Идена, в Лондоне состоялась выставка «Рисунки русской жизни», была организована персональная выставка Филиппа Малявина и еще одна масштабная выставка русской живописи¹⁸. Эти культурные инициативы в Великобритании стали возможными благодаря интенсивной работе Общества культурных связей между Британским Содружеством и СССР (SCR), основанного в 1924 году, когда Соединенное Королевство стало первой капиталистической страной, признавшей советское правительство. Общество получало дотации от ВОКС, но пользовалось абсолютной независимостью. Это была небольшая организация, существовавшая благодаря инициативе энтузи-

¹⁸ Cross A. Exhibiting Russia: The Two London Russian Exhibitions of 1917 and 1935 // Slavonica. 2010. XXI. P. 39.

астов, увлекавшихся русской культурой и симпатизировавших советскому социальному эксперименту. С 1925 по 1937 год президентом Общества был поэт и критик Ласеллс Аберкромби, брат архитектора и урбаниста Патрика Аберкромби. Активное участие в работе Общества принимала также писательница Амабель Уильямс-Эллис, жена влиятельного зодчего Клафа Уильямса-Эллиса. Члены SCR активно популяризировали советскую архитектуру, организуя доклады и лекции, печатая буклеты и отчеты. Через SCR шло большинство запросов от британских архитекторов и градостроителей к их советским коллегам. Общество передавало все сообщения в посольство СССР или напрямую в ВОКС, а оттуда письма уже попадали в архитектурную секцию и к сотрудникам Союза архитекторов.

Какие только вопросы не приходили из Великобритании во второй половине 1930-х годов! Просьбы прислать образцы студенческих работ из Московского архитектурного института (МАРХИ), а также фотографии выставочных павильонов, киосков, зоопарков для выставок современной архитектуры (Аркин посоветовал взять материалы у Эль Лисицкого, Константина Мельникова и Вячеслава Олтаржевского); запросы снимков новых советских зданий для коллекции Королевского института британских архитекторов (RIBA) и журнала *Studio*; предложение написать рецензию на проект музея театрального деятеля Хантли Картера; сбор материалов о новых методах строительства для диссертаций; при-

глашение принять участие в выставке жилой архитектуры в Дублине; поиск работы в СССР и контактов практикующих архитекторов; проявляли даже любопытство по поводу устройства русской бани.

Функционализм vs традиционализм

В некоторых случаях адресаты ВОКС разделяли коммунистические взгляды, иногда были адептами Современного движения, но не всегда эти предпочтения совпадали. Модернизм, безусловно, не был синонимом коммунизма, хотя в 1930-е функционалистов часто обвиняли в «культурном большевизме». Дискуссии по этому поводу перерастали иногда в открытые конфликты. Например, в разгар строительства Выборгской библиотеки финский архитектор Бертельс Юнг подошел в ресторане к столику, за которым сидели Гуннар Асплунд и Алвар Аалто, и громко воскликнул: «Так вот где сидят архитекторы-большевики!» В ответ Аалто встал и дал Юнгу пощечину, скандал потом долго пришлось улаживать. Аалто не был склонен объединять архитектуру и политику, но сохранять нейтральную позицию пионерам Современного движения было сложно. Если уж в Финляндии и Скандинавии возникали столь эмоциональные прецеденты, то тем более зарождение интернационального стиля встретило отторжение в Великобритании. В безордерной архитектуре и современных материалах многие британцы видели не

только «красную», политическую угрозу, но и нравственную. Так, новообращенный католик Ивлин Во в романе «Упадок и разрушение» (1928) показал дезориентацию старого мира именно через отношение к архитектуре. Исчезновение авторитета традиций и знания, размывание границ человеческой морали и чести – все это получило архитектурное измерение. Об этом говорил один из героев, архитектор Отто Фридрих Силен, безжалостно перестраивающий старинный особняк. «Задачи зодчества, как я их понимаю, – внушал он журналисту, посетившему его, чтобы узнать, как продвигается его удивительное создание из железобетона и алюминия, – те же, что у искусства вообще. Архитектуре должно быть чуждо все человеческое. Фабрика – вот совершенное строение, ибо там живут не люди, а машины. Жилой дом не должен быть красивым»¹⁹. Собственно, и слово *fall* в названии романа (*Decline and Fall*) означает в том числе грехопадение. Равнодушие и холодный расчет модернистской утопии нивелировали, по мнению Во, не только архитектуру, но и личность.

В то же время и сторонники левых идей были уверены, что спасают мир от безнравственности и неправды, очищают искусство от мещанских вкусов и вульгарного прагматизма. В Лондонской архитектурной ассоциации – первой школе в Великобритании, где преподаватели и студенты начали открыто демонстрировать симпатии к интернациональному

¹⁹ Во И. Упадок и разрушение. М.: АСТ, 2009. С. 140.

стилю, многие мастера и студенты разделяли коммунистические взгляды (Годфри Самюэль, Мэри Жаклин Тирвитт, Грэм Шенкленд). Протест в ассоциации был своего рода традицией. Школу основала в 1847 году группа студентов, пытавшихся изменить подход к традиционному архитектурному образованию в Великобритании. Когда в начале 1930-х годов идеи европейского функционализма проникли в Англию, ассоциация с энтузиазмом приняла эксперимент. В 1938-м в студенческом журнале *Focus* члены ассоциации писали: «Мы были рождены цивилизацией, чьи лидеры, идеалы, культура потерпели фиаско. Они до сих пор имеют вес. Но мы, следующее поколение, не можем примириться с их властью. Мы уверены, что их действия приведут лишь к несчастью... Сегодня на студентов в нашей профессии ложится ответственность бóльшая, чем когда бы то ни было»²⁰. Лондонская архитектурная ассоциация вскоре установит тесные контакты с SCR. Здесь, в особняке на Бедфорд-сквер, будут проходить лекции и встречи, посвященные новому советскому строительству, а секретарь ассоциации Фрэнк Йербюри посетит Советский Союз и станет впоследствии активным участником советско-британского архитектурного общения.

Стоит отметить, что и в Советском Союзе, несмотря на, казалось бы, более ограниченную возможность выбора между художественными направлениями и политическими

²⁰ Editorial. *Focus*. № 1, summer 1938. London: Percy Lund Humphries & Co Ltd. P. 1.

взглядами, не существовало однозначных, раз и навсегда выбранных стилистических предпочтений. Анализ взаимоотношений между школами европейского традиционализма и функционализма позволяет вспомнить о параллельном развитии в советской архитектуре этого же периода конструктивизма/рационализма и ретроспективного направления, осваивавшего классическое наследие. Даже в разгар эксперимента советского авангарда более традиционное направление не теряло полностью свою актуальность, о чем свидетельствуют и работы Ивана Владиславовича Жолтовского (Дом Советов в Махачкале (1926–1932) и здание Госбанка в Москве (1927–1930))²¹, и классицизирующие тенденции ленинградской школы, и поиски между авангардом и более конвенциональным пониманием архитектуры, отразившиеся в творчестве Бориса Михайловича Иофана²². Анатолий Васильевич Луначарский и вовсе выступал против противопоставления традиционалистов и функционалистов, в равной степени поддерживая обе тенденции. Как заметил искусствовед Томас Флирль, в соответствии с замыслом Луначарского эта многогранность должна была отразиться в распределении трех главных премий на конкурсе проектов Дворца Советов. Жолтовский и Ле Корбюзье олицетворяли стилисти-

²¹ Печёнкин И. Архитектура и власть. Случай Ивана Жолтовского // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов. С. 165.

²² Костюк М. Борис Иофан. До и после Дворца Советов. Берлин: DOM Publishers, 2019.

ческие полюса, в то время как между ними идеально вставал монументальный, но лаконичный Иофан²³. Однако вместо Ле Корбюзье премию получил Гектор Гамильтон, что вызвало невероятное раздражение со стороны членов Международного конгресса современной архитектуры (CIAM) и привело к целой кампании по дискредитации советской архитектуры.

CIAM направил два письма протеста на имя Сталина, а в архитектурной периодике стали появляться тексты о печальном состоянии архитектуры и строительного дела в СССР. Например, в 1932 году французский журнал *La Construction moderne* поместил неприятный текст с критикой не только советской архитектуры, но и просоветски настроенного журнала *L'Architecture d'Aujourd'hui*. Поэтому, принимая в Москве и Ленинграде французского архитектора Жозефа Ваго, ВОКС «провел сложную ответственную работу», чтобы *L'Architecture d'Aujourd'hui* подготовил специальный номер в ответ на «клеветнические выступления». Готовясь к следующему приезду Ваго в декабре 1932-го, ВОКС искал для него в качестве провожатого кого-либо из советских архитекторов «не из левых группировок, так как Ваго – эклектик по стилю своих работ, но имеет очень большой вес в ев-

²³ Флирль Т. Протест Ле Корбюзье и CIAM против результатов открытого тура конкурса на Дворец Советов: 1932 год // Борис Иофан. Пути архитектуры 1920–1940-х годов. С. 285.

ропейской архитектуре»²⁴.

Стилистические предпочтения как инструмент идеологического противостояния

Еще до того, как в СССР началась критика архитектурно-авангардного эксперимента в лице ОСА, АСНОВА, «леонидовщины» и бичевание «отрицательных моментов конструктивизма», которые наконец-то «разоблачены пролетарской общественностью»²⁵, приходилось искать подходящие формулировки, чтобы провести границу между правильным и неправильным модернизмом. В текстах, сопровождавших каталог выставки школы Баухаус, Ханнес Майер, работавший тогда в Союзе, объясняет, что экспозиция посвящена периоду «Красного Баухауса» – марксистского учебного заведения. Предшествующий этап он описывает как интересный художественный эксперимент, обесцененный рекламой и превратившийся в «инфекционную болезнь немецкой архитектуры последних лет», «азбуку эстетствующих снобов»²⁶. «Красный Баухаус» благодаря Майеру перешел с

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 2.

²⁵ Михайлов А. Группировки советской архитектуры. М.; Л.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1932. С. 15.

²⁶ Майер Г. Предисловие // Баухауз Дессау. 1928–1930 [каталог выставки]. М.: ВОКС, ГМНЗИ, 1931. С. 9.

художественного уклона на социологический, обеспечивая стандартные потребности масс, а не буржуазную роскошь. В этом же каталоге Аркадий Мордвинов пытается пояснить, что, да, в Баухаусе порвали с «эkleктической архитектурой, украшенческой, подражательной, реставрирующей древние стили». Но при этом конструктивизм Гропиуса – плохой, «формалистический», а Майера – хороший, «инженерный». Гропиус эстетизирует технику, увлекается художественными приемами и в результате создает предметы роскоши для музеев и буржуа, в то время как Майер добивается научного решения, отвечающего прямым функциям, «отвергая всякое эстетство», и запускает продукцию для рабочих масс²⁷.

Когда Мордвинов критикует, кажется, что он, наоборот, хвалит: «Чашке – производству школы Гропиуса, – где стекло стакана охвачено металлическим поясом, связанным с деревянной ручкой, где все внимание ушло на остроумное конструирование и выявление фактурных свойств разнородных материалов – стекла, дерева, металла – и их формальной выразительности, Ханнес Майер противопоставляет простую стандартную стеклянную чашку, отвечающую своему прямому назначению»²⁸. Формулировки, связанные с критикой или защитой стилистических предпочтений, становились все более витиеватыми: их можно было подставлять практически к любым именам и объектам, в зависимо-

²⁷ Мордвинов А. Выставка Баухауз в Москве // Баухауз Дессау. С. 16–17.

²⁸ Мордвинов А. Выставка Баухауз в Москве // Баухауз Дессау. С. 19.

сти от цели: разоблачить скомпрометировавшего себя автора или похвалить надежного.

Позже, когда конструктивизм и рационализм уже были практически разгромлены, во время общения с иностранными коллегами на I Съезде советских архитекторов (1937), советский архитектурный истеблишмент уже не стеснялся нового курса. В *Moscow Daily News* – газете, выходившей на английском языке, – Александр Веснин давал бескомпромиссный комментарий: «Каждый архитектор должен любить классику; тот, кто не воспринимает красоту классики, не может быть архитектором... Однако некоторые советские архитекторы неправильно поняли задачу освоения классического наследия прошлого и оказались связанными классикой»²⁹. В итоге во время подготовки к I Съезду советских архитекторов ВОКС и ССА оказались, по замечанию Евгении Конишевой, «в международных коммуникациях в идеологической ловушке»³⁰. При составлении списка гостей оргкомитет следил, чтобы в него вошли уважаемые профессионалы, но в то же время они должны были быть дружелюбно настроены к СССР. В предварительные списки, делая пометку «левого направления», пришлось включить ряд представителей функционализма: Якобуса Ауда, Свена Маркелиуса, Алвара

²⁹ Vesnin V. A. All-Union Meet Will Analyze Past Errors and Achievements // *Moscow Daily News*. 1937. June 16. P. 3.

³⁰ Конишева Е. Международные связи Союза советских архитекторов в 1930-е годы: профессиональный диалог под контролем государства. С. 305.

Аалто, Робера Малле-Стевенса, Франсиса Журдена.

От Великобритании на I Съезд архитекторов в Москву планировалось позвать более консервативных мастеров: Клафа Уильямса-Эллиса, сэра Раймонда Энвина (хотя к тому времени уже были опубликованы его критические тексты о русской архитектуре), нового председателя RIBA Перси Эдварда Томаса, секретаря RIBA сэра Иэна Макалестера. В случае свободных мест предлагались также кандидатуры архитектора Чарльза Боссомы и директора Лондонской архитектурной ассоциации Говарда Робертсона³¹. Все расходы в России (проезд, питание, жилье) Союз архитекторов брал на себя. Для иностранных гостей была составлена короткая экскурсионная программа (обзорная поездка по Москве, посещение метрополитена, здания типографии «Правда» и канала Москва – Волга, осмотр выставки «Архитектура СССР», встреча со строителями в ЦПКиО, поездка в Коломенское и дом отдыха в Суханово). На выбор дополнительно предлагалась поездка в Ленинград или Харьков. Увы, хотя приглашенные ответили очень доброжелательно, никто, кроме Клафа Уильямса-Эллиса, не приехал, все уклончиво сослались на разные обстоятельства (в основном на нехватку времени). Из-за бюрократической сумятицы приглашения были высланы поздно. К тому же само время проведения московского съезда оказалось выбрано крайне неудачно: в 1937 году в Париже в мае открылась Всемирная выставка, а в июле

³¹ РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 22.

проходили XIV Международный конгресс архитекторов и V Международный конгресс современной архитектуры CIAM. В итоге в Москву приехали лишь 17 иностранных делегатов, и не все из них воздержались от критики советской архитектуры³². Но то 1937 год, а в начале 1930-х, несмотря на все противоречия, скепсис и запутанную расстановку сил внутри профессионального сообщества, советский опыт неизменно вызывал обычное человеческое любопытство.

Первые организованные поездки британских туристов в СССР

С 1931–1932 годов в СССР начинают приезжать британские специалисты, чья профессиональная деятельность была связана с градопланированием, городским благоустройством и строительством нового жилья. Во многом этому поспособствовал активизировавший свою работу «Интурист». Государственное акционерное общество по иностранному туризму было основано еще в 1929-м, но в 1930–1931 годах в мире – из-за общей экономической депрессии – был зафиксирован массовый туристический кризис (в некоторых странах даже возникло общественное движение против за-

³² Конышева Е. «Бурные аплодисменты, все встают»: иностранные гости на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. № 2 (11). С. 235.

граничных поездок³³). Ситуация исправилась в 1931 году: если в 1929-м страну посетили 2500 иностранцев, то в 1933-м – уже 8700. Народный фронт и роль СССР в антифашистском движении также способствовали популяризации образа России. В декабре 1935 года в Лондоне прошел Конгресс мира и дружбы с СССР, а на следующий год был достигнут пиковый показатель «Интуриста» – 20 400 человек. В 1931–1932 годы вышло несколько прекрасно оформленных путеводителей по Москве и Ленинграду на английском языке – с картами, цветными иллюстрациями, продуманной графикой и модной рекламой³⁴.

³³ Орлов И. «В Стране ледяного ужаса»: научно-туристская экспедиция «Интуриста» в Арктику в 1931 году // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. № 4. С. 36.

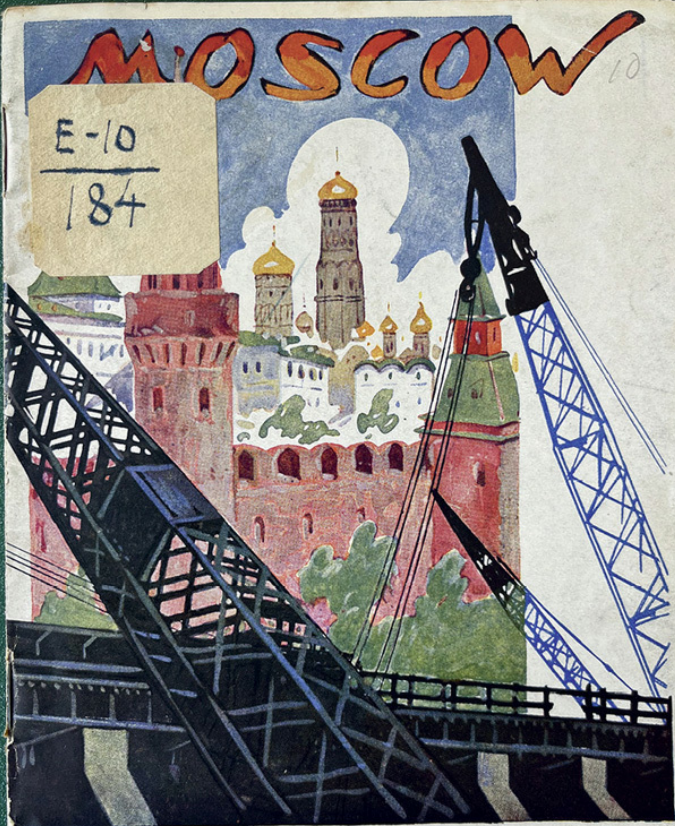
³⁴ A Short Illustrated Guide to Leningrad. Moscow: All-Union Company “Hotel ltd”, 1931; Great Cities of the USSR. Moscow: Intourist, 1931.

LENINGRAD

20752

—INTOURIST—
MOSCOW
HOTEL METROPOL

Путеводители по Москве и Ленинграду, подготов-

ленные «Интуристом». 1931

«Красная газета» писала летом 1932 года: «Разноязычная речь на улицах, вереницы линкольных у подъездов. Огромные пароходы у причалов. Шесть тысяч иностранных туристов посетили Ленинград в 1931 году – в полтора раза больше пройдет их в 1932 году... Туристы этого года любят Эрмитажем и окрестностями, но больше всего стремятся попасть на заводы, в школы и профилактории. Друзья и враги одинаково интересуются нашими успехами, хоть и по разным причинам»³⁵. Последнее замечание очень точно. Как говорил в своем докладе секретарь Лондонской архитектурной ассоциации Фрэнк Йербюри, посетивший Россию в 1932 году, англичане действительно ехали в СССР, чтобы убедиться в своих правых или, наоборот, левых убеждениях³⁶. Как правило, гости находили подтверждения именно своим ожиданиям, поэтому в уцелевших личных воспоминаниях ценнее всего оказываются свидетельства, не укладывавшиеся в настроя, с которыми изначально путешественники отправлялись в Советский Союз. Сравним воспоминания Фрэнка Йербюри с отзывом Памелы Трэверс.

³⁵ Наплыв иностранных туристов // Красная газета. 1932. 1 августа. Вечерний выпуск. С. 2.

³⁶ Yerbury F. Impressions of Russia // Architectural Association Journal. 1932. XLVIII. № 549. P. 116.

Фрэнк Йербюри во время путешествия в Восточную Европу и СССР. 1932. Архив Лондонской архитектурной ассоциации

В 1932-м молодая и по-английски решительная, тогда еще просто журналистка Памела Трэверс отправляется в СССР в составе обычной туристической группы «Интуриста»³⁷. Еще по пути в Ленинград она спорит со своими более доброжелательно настроенными попутчиками, солидными профессорами, скептически оценивает информацию, полученную от русских гидов, и очень колко отзывается обо всех продемонстрированных достижениях социалистического образа жизни. «Наш отель очень современный, очень уродливый, очень новый, хотя стены уже облупились. Из него вышла бы отличная тюрьма»³⁸. Но зато наследие петербургской архитектуры заставляет Трэверс оставить насмешливый тон. Александр-Невская лавра напоминает ей о британской архитектуре XVIII века, старых английских усадьбах и поэтах-романтиках. В противостоянии Зимнего дворца и Главного штаба она видит олицетворение русской необузданности и европейской дисциплины. При этом общая запущенность, неприкаянность исторического наследия на фоне неразберихи и абсурда, по всей видимости, доводят писательницу до изнеможения: «Скорей бы уже уехать из Ленинграда! Несмотря

³⁷ Трэверс П. Московская экскурсия. М.: Лимбус-Пресс, 2017.

³⁸ Трэверс П. Московская экскурсия. М.: Лимбус-Пресс, 2017. С. 35.

на красоту, здесь какая-то мертвящая атмосфера. Великолепие XVIII века представляется странным неуместным наростом»³⁹. Судя по всему, архитектурные вкусы Трэверс совпадали с предпочтениями Ивлина Во: «Мы стараемся избавиться от механизированного века, а они его обожествляют».

Стратегии гостеприимства

Примечательно, что и Трэверс, и Йербюри имели возможность свободно перемещаться по городу, несмотря на опеку гидов. Секретарь Лондонской архитектурной ассоциации специально подчеркнул в своем докладе, что слухи о том, как от туристов скрывают правду и держат на «коротком поводке», сильно преувеличены. Фрэнк Йербюри гулял по ночам, осматривал все, что казалось ему любопытным, и никто его не останавливал⁴⁰. На фотографиях, сделанных им во время поездки, Ленинград предстает городом с чистыми улицами, благоустроенными скверами, ухоженными памятниками. В действительности, конечно, степень свободы иностранного туриста зависела от его статуса и личного опыта. Кто-то послушно следовал всем инструкциям, не отставая от гида, а кто-то требовал дополнительных пунктов программы. У кого-то были в России друзья или даже знакомые чиновники, что давало возможность с разных сторон и более объективно

³⁹ Трэверс П. Московская экскурсия. М.: Лимбус-Пресс, 2017. С. 80.

⁴⁰ Yerbury F. Impressions of Russia. P. 124.

взглянуть на жизнь в советской России, а за другими, кто показался подозрительным, наоборот, наблюдали сотрудники «Интуриста». В конце концов особенности характера и умение вести диалог тоже сказывались на успехе путешествия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.